

ГОСТЬ

АЛЕКСЕЙ УСТИМЕНКО КАКОЙ-ТО ПЬЯНЫЙ ЗВЕЗДОЧЕТ...

Очерк

*...ломаюсь сквозь толпу, будь осторожен:
ты можешь толкнуть Авиценну,
больно задеть Фирдоуси,
отдавить стопу Абу-Рейхану Бируни.*

Явдат Ильясов «Заклинатель змей»

*Не завидуйте нам, обыватели!
Мы – Сизифовы наследники;
Это лишь званье такое –
писатели,
А на самом деле мы смертники...*

Явдат Ильясов «Сыну моему Джангару»

I

И все-таки, черт возьми, как все же писатели и поэты умудряются определить свою судьбу. Предсказать. Предугадать. Накликать. И – исполнить накликаемое...

Почти что в последней своей книге – «Заклинатель змей» – писатель Явдат Ильясов, рукою ли, поведенною свыше, фантазией ли своей литераторской, но однажды устами своего героя – странного странника, математика, астролога, звездочета, время от времени уходящего в рубайят, Абуль-Фатха Омара Хайяма Нишапурского, жил такой на земле, вдруг будто бы окончательно закрепил на бумажном листе пророческий для себя самого разговор:

– Утонуть не страшно, – ответил Омар невозмутимо, – Страшно, что скажут потомки: «Такой-то бродяга-поэт, вольнодумец, в таком-то году утонул в Джейхуне». Позор!

– Отчего же?

– Поэту больше к лицу захлебнуться вином в кабаке, чем водою в реке.

Написанное ореалилось не через много лет, но почти что сразу после того, как написалось: в июне 1982 года писатель Явдат Ильясов утонул в одном из искусственных озер Ташкента.

Страшно, что скажут...

И они – люди, знавшие его и не знавшие вовсе, – тотчас зарассказывали. И зарассказывали примерно то, что он предсказал. И – так, и такими словами (о том тоже догадывался в предсказании), как он и ожидал, что скажут. В той же полумифической, полумифологической тональности. Ведь творящий своею рукою всякие литературные мифы подспудно творит и свой... Впрочем, это я уже повторяюсь.

Слухи забурлили мгновенно. Они ведь та же вода, во все способная втечь, залив уши и умных, и глупых одинаково.

Говорили, к примеру, такое (эти слова чуть позже запишет Сухроб Мухамедов, ташкентский известный писатель):

«...Юрий Владимирович Андропов, будучи уже Генеральным секретарем, во время одной из встреч с Шарафом Рашидовым отвел его в сторону от беседующих членов Политбюро и, загадочно улыбнувшись, якобы сказал:

– Уважаемый Шараф Рашидович, у вас в республике, кроме золота и хлопка, масса талантливых людей... в том числе и писателей.

– Одаренных писателей в Узбекистане много, Юрий Владимирович.

– Да-да... Я недавно прочитал одну книгу... Очень хорошо и здорово написанную. Ее автор Ильясов. Вы знаете его?

– Конечно.

– Талантливых людей надо беречь – помогать им. Я имею в виду – создавать условия для творчества.

После этой встречи Шараф Рашидов позвонил в Ташкент и поручил помощнику срочно разыскать Ильясова и известить писателя о предстоящей встрече с ним. Но... именно в тот вечер Ильясов решил искупаться в небольшом чиланзарском озере. Он утонул странно, трагически, нелепо, будучи великолепным пловцом».

Многозначительно, но все же необъяснимо...

Как необъяснима и убежденность примерно в подобном же – так выходит – будто бы заговоре.

Чем трагичнее и неожиданнее смерть, тем трагичнее и неожиданнее выводы о ней у ничуть ее не ожидавших.

У оказавшихся к ней вплотную и ближе всех – фантастичнее всего...

Третья жена Явдата – Анна Яковлевна Мигловец, и через двадцать почти лет после его смерти давая интервью одному из журналистов, – была неколебима в своем убеждении – писателя убили: сначала оглушили мокрым веслом, потом все же вытащили на берег, где и додушили окончательно. Естественный повод так сотворенного убийства – естественный же талант Явдата. То есть, талант не сам по себе, но талант, отказавшийся работать на другого, – вроде бы перед смертью как раз подобное и было предложено писателю Ильясову.

Отказался, вот и...

II

«Другим» же – по мнению и до сего дня существующему в околописательских кругах (то есть в кругах, где важна не литература, но то, что вокруг нее) – всегда обозначивается опять же Шараф Рашидов. На ту несчастную пору – Первый секретарь Центрального Комитета КП бывшей Узбекской Советской Социалистической Республики, вечный кандидат в Политбюро ЦК КПСС, а по совместительству – тоже писатель.

Отношение к этой крупной государственной и политической фигуре, к ее значимости в истории до сих пор как-то не устоялось, ну, да это и не вопрос очерка. Другое дело, что – я убежден – писателем он все-таки был как бы самостоятельным, а вовсе не таким, за которого пишут. Худо-бедно, но – нечто запрограммированное временем – писал он и сам. Его могли редактировать по подстрочнику, почти переписывая, ему могли помочь подобрать материал на тему, по которой он, как по канве, вышивал неяркие узоры своей новой книги, но делать нечто литературное совсем «за него»? Ильясову?

Вряд ли.

На такую негритянскую службу берут людей бесцветных в жизни, но привычно, традиционно, повторимо и от других не отличаемо талантливых. Узнаваемых в тексте талантливой похожестью на все рядом сущее, литературно общее, всеми принятое, понятное.

Людей, от которых заведомо известно, чего можно ожидать.

Которые литературно управляемы и не делают неожиданных прыжков ни влево, ни вправо, что приравнивается к литературному побегу в индивидуальность. То есть не делают этого – одинаковые – ни в жизни, ни в текстах.

Они должны быть талантливы в рамках идей предложившего им работу.

Явдат Хасанович Ильясов ни по жизненным, ни по литературным параметрам ничуть не подходил для подобного выбора. Даже случись, что он – этот выбор – состоялся, даже появившись на свет книга, сотворенная по обоюдной договоренности пером писателя Ильясова и войди она в то незначимое пятитомное собрание сочинений Шарафа Рашидова, выходящее тогда в блестящих глянцево-зеленых суперобложках, кто б не увидел, что это – текст именно Ильясова, пусть и под иной, навязанной ему фамилией... Пушкинские уши все равно б заторчали; не спрятать их и под официальный колпак.

Тот же Рашидов, уж по-писательски-то наверняка был мудр. Когда понимал, например, что какой-либо его соавтор своей стилистикой, вложенными в сюжет мыслями и предлагаемыми поворотами фабулы начинает заметно преобладать над ним, писателем Рашидовым, писатель Рашидов уходил в сторону. Предполагаю, что именно по этой причине он снял свою фамилию со сценарного авторства по собственной же книге «Поэма двух сердец», оставив единственного – Виктора Витковича, талантливого человека, беспредельно любящего Среднюю Азию.

Правда, – видевшего ее не по-рашидовски, но по-своему.

Была б удача, на двоих бы не поделилась. Неудачу же принимать на себя, ну, кому же захочется...

Можно лишь догадываться, как, должно быть, метался и внутренне переживал за свою литературную судьбу всеми уважаемый тогда Шараф Рашидович, отзывая свое авторство с киностудии «Узбекфильм», всё, кстати, тянущей и тянущей с экранизацией (от которой уже отказалась индийская сторона) и все не решающейся довести съемки, наконец, до конца, объяснив истинную причину.

Ну, кому же захочется...

«Поэма двух сердец» (по мотивам поэмы Бедиля) вышла на экраны страны в 1966 году. Авторами сценария значились Камиль Ярматов (режиссер фильма) и Виктор Виткович.

Нельзя, да и нелепо, сидеть на двух стульях одновременно. Нельзя быть главой страны и писателем. Приходится выбирать.

И обычно выбирают первое, поскольку править одной страной много легче, нежели вселенским миром, который к тому же еще и создаешь, вступая (по Николаю Бердяеву) в со-творчество с Богом.

Но и второе, «писательское», даже крупница которого если есть, подспудно все-таки мучит. Всякое правление временно, всякое творчество, вернее, со-творчество к вечности чуть поближе. А ну как прогоришь с первым?

Есть шанс сохраниться со вторым.

Рашидов, несомненно, понимал, что и со вторым – неудача... И – несомненно же, – ревновал к чужому литературному успеху. К успеху как раз и этого, структурно не организованного, писателя, – к пьянице и дебоширу Явдату Ильясову.

Только такими – вопреки всем легендам – и могли быть их взаимоотношения. Сотворчество? Никогда.

Конечно, Рашидов понимал, не мог не понимать, что есть люди талантливее его. Талант ведь от Бога, а не от назначения. Поди, попробуй, оспори это положение.

И этот вот Ильясов тоже был явно талантливее, но понимал свой в себе талант, как нечто само собой разумеющееся, чем можно и не гордиться, чего можно и не поберечь: Бог дал, Бог взял.

Но...

«Я бы не расточал свой талант так, как он расточает...»

Таким видят Моцарта те, которые, как им кажется, по невниманию ли Бога, по несправедливости ли Его, сами не Моцарты. И эти не-моцарты находили для себя удовольствие – как повествует устная писательская история – провести Председателя Союза писателей Узбекистана Шарафа Рашидова, кем он был еще до своего перво-секретарства в ЦК, мимо беззаботно спящего на скамейке в сквере Ильясова, с раннего уже утра и поработавшего в удовольствие, и выпившего стакан-другой холодного золотисто-зеленого великолепного вина «Ок мусалас». И Председатель должен был принимать меры. Так ему полагалось по рангу. То есть – к такому именно повороту событий не упускали случая поднаправить Рашидова те, которые суетились рядом... В этом последнем, до сих пор путешествующем мифе, истиной следует признать лишь первую часть, исключаящую Рашидова. Ту, что касается распорядка дня...

Я сам был свидетелем его, Ильясова, веселого утреннего – часов в 8-9 – появления в квартире режиссера Батырова, который уже час как ушел на работу, на киностудию.

Дверь Явдату открыла жена Батырова.

Ильясов по-деловому, не заходя в комнаты, как будто бы торопился, хотя ранней выполненной работой уже освободил себе целый день, так вот Ильясов уже с порога, едва ли поздоровавшись, назидательно поднял палец вверх и спросил:

– Лида, ну, как ты думаешь, чего у тебя сейчас попросит лучший друг твоего мужа?

И тетя Лида, почти не терпящая пьющих, все сразу поняв, но как-то не включив Явдата в число последних, тотчас пошла за тремя – для него – рублями. А это уже целый капитал – не одна, но несколько бутылок прохладно-зеленого золотого виноградного вина «Ок мусалас».

Сквер еще был пуст от влюбленных. Пуст и ожидающе всей мягкостью своей вековой тени. Сквер был готов принять писателя Ильясова.

К тому же, я вновь возвращаюсь к последнему мифу, и по времени подобная скверная встреча с Шарафом Рашидовым не смогла бы произойти. По очень простой причине: первая книга Явдата Ильясова, принесшая ему имя, «Тропа гнева» опубликована в 1956 году. Рашидов в это время, хотя как бы и числился в уважаемых и авторитетных писателях, но таковым теперь не был, возглавив Верховный Совет страны. А это уже была та высота, с которой начинающие писатели еще (или – уже?) близко не видны.

III

Между тем почти параллельно во времени и пространстве с «Поэмой двух сердец», в 1964 году – тоже на киностудии «Узбекфильм» – режиссер Равиль Батыров счастливо мучился со своим, иногда совсем отрешенно пьяным, сценаристом – Ильясовым. Для режиссера Батырова приключенческий фильм «Канатоходцы» был первым самостоятельным, – то есть заявкой на всю его последующую режиссерскую жизнь. Первый провал проваливает подчас всю последующую жизнь. Первая же удача всегда смягчает неудачи последующие, случись они напоследок.

Рабочая группа злилась, почти ожидая провала. И про себя, не рискуя о том сказать вслух режиссеру, всячески похаивала сценариста Ильясова, не только не написавшего к сегодняшнему, например, сроку требуемую сцену, но и опять пробиравшемуся меж декораций весьма и весьма шаткой походкой.

– Ну, вот, – взглянув на нестройный путь писателя, засмеялся художник Е.П., – готов, классик. Похоже, сегодня съемке не быть. Дай Бог, завтра...

Дневная работа над сценарием явно нарушала ильясовский график рабочего дня, и он – похоже – каждое утро успешно с этим боролся.

Впрочем, художника Е.П. Ильясов услышал и невежливо остановился как раз перед ним. Он терпеть не мог недомолвок и околичностей и во всем любил точность: в мыслях, словах и делах.

– Ты, П., знаешь такого-то? – примерно так спросил Ильясов, надвигаясь.

– Да, – сказал Е.П., отстраняясь назад.

– И у него, как у тебя, тоже были во рту новые зубы...

– Были?.. – уточнил Е.П., по-прежнему отодвигаясь.

– Тоже... – сказал Ильясов. – Как у тебя во рту. И блестели.

– Это – стихи! – сказал режиссер Равиль Батыров, останавливая сближение двух.

– Теперь не блещут, – удовлетворенно откачнулся сценарист Ильясов. – А с тебя, Равиль, – бумага, карандаш, комната и чайник зеленого чая.

– Найти, – распорядился режиссер Батыров.

– И то верно, пусть в одиночке проспится. – сказал художник Е.П., – По крайней мере, не успеет снова вина найти и завтра, на трезвую голову, наконец, напишет нам нужное.

– Можно даже закрыть на ключ, – согласился с доводами режиссер Батыров.

И волевым решением режиссера Явдат был изолирован ото всех для протрезвления, часа на четыре, на исходе которых грохотом кулаков призвал к освобождению.

– Не случилось, – констатировал художник Е.П. – Не удержали.

– Откройте, – сказал Батыров.

Конечно, героями «Канатоходцев» можно считать и актеров-исполнителей – старика Раззака Хамраева, и мальчишку Рустама Сагдуллаева (для этой, самой первой мальчишеской роли в кино, за десятки лет до знаменитого фильма «В бой идут одни старики», Батыров перезнакомился с кандидатурами сотен его ровесников, открыв именно Рустама)... Но в тот день им стал Ильясов, вышедший из застенка с кипой плотно исписанных бумаг. Что было невероятно, если вспомнить, отвертев стрелки часов на четыре круга назад, его прохождение сквозь декорации.

«Сцена для сценария», сотворенная им, была не только то, что нужно, но: сверх-то-что-нужно. Точное попадание в режиссерскую цель.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАНАТОХОДЦЕВ (отрывок из сценария)

«В медленной панораме перед нами открывается грохочущий горный поток, стиснутый серыми каменными глыбами, среди которых разбросаны редкие клочкообразные кустики...»

Вода с ревом мечется по усеянному валунами дну, хлещет пеной по прибрежным уступам. От берега к берегу – от одной кучи каменных глыб на другую перекинута довольно тонкая жердь.

На противоположном берегу стоят маленькие фигурки старика, мальчика и ослика.

Мы слышим их голоса:

– Вот так мост! – разочарованный голос мальчика.

– А чем он плох? А, внук мой Алиджан? – удивился старик...

Мальчик сбежал по тропинке к самой воде – присел на край жерди, свесив с нее ноги... Энергично размахивая руками, сказал:

– Развалился весь, вроде нашей хижины... А этой палкой только длинноухого бить...

Ослик, задумчиво изучавший поток, услышав эти слова, мотнул головой и повернулся к мальчику хвостом.

Старик с видом прогуливающегося человека расхаживал у воды, постукивая посохом по валунам:

– Мой друг Уста-Гамбар говорил: «Настоящий канатоходец – тот, кто может пройти даже по лезвию меча, не изранив ног».

– Мы-то пройдем... – прямо с жерди мальчик легко спрыгнул на гладкий, отполированный валун.

По-мальчишески забавляясь своей ловкостью, он перепрыгивал с валуна на валун, на мгновение задерживаясь на каждом и намечая следующий. Остановился – кивнул в сторону осла.

– ...но как вот этого упрямца перетащить? – мальчик озадаченно посмотрел на волны.

Старик, навязывая веревку на шею осла, продолжал:

– Да осел знает семь способов плавания...

Взглянув на осла, с укоризной заметил:

– Но как увидит воду, все семь забывает... Но ты не волнуйся, Алиджан. Перетащим как-нибудь.

Ослик недовольно мотнул головой и отвернулся.

Старик примирительно произнес, похлопав его по шее:

– Не сердись, приятель. Такова уж наша с тобой участь.

И пошел к берегу, разматывая веревку, к которой был привязан осел. На ходу он сказал мальчику, указав на переметную суму, снятую с ослика:

– Сумку захватить не поленитесь, пригодится...

Старик, шкандыляя, подошел к жерди. Торопливо, постным голосом заговорил молитву:

– О, святой Ильяс, покровитель странствующих по морям, окажи нам свою помощь...

Неуклюже раскачиваясь, дико прихрамывая, дергая головой, он, тем не менее, не торопясь, совершенно спокойно и буднично, как по широкой дороге, на которую, шагая, не обращают внимания, переходит по шаткой жерди на ту сторону. Это мастер высокого класса.

Стоявший рядом с осликом внук видел, как дед сошел на противоположный берег, невозмутимо ступил в речку и сделал зовущее движение рукой. Мальчик с поклоном и шутливой улыбкой поднес к носу осла цветок, затем с важным видом заправил цветок за веревку на шею длинноухого, отступил на шаг и, сложив ладони, любуясь, покачал головой.

И – неожиданно – схватив осла за шею и спину, толкнул в поток и крикнул:

– Пошел, длинноухий, вперед!

Старик, стоявший по пояс в воде, смотрел, как упирался ослик, мотал головой, взбрыкивал ногами, как Алиджан тщетно пытался столкнуть его в речку. Старик нетерпеливо – с силой – натянул веревку и...

...длинноухий в речке.

От восторга мальчик подпрыгнул на одной ноге, прицелкнул пальцами правой руки, а левой – ловко схватил суму, небрежно перебросил ее через плечо и побежал к жерди.

Беззаботно, легко, как по широкой тропинке выступал Алиджан по жерди и беспечно напевал песенку.

Старик, лениво потравливая веревку, тащит ослика через поток.

Ослик плышет, то почти весь показываясь из воды, то погружаясь до самых ушей. Вода бьет, крутит осла, швыряет из стороны в сторону.

– Давай, длинноухий, давай! – весело подбадривает мальчик осла, безмятежно приплясывая на жерди.

И вдруг – улыбка исчезла.

Вода несет осла прямо на торчащий со дна острый камень.

– Ой! – пронзительно вскрикнул мальчик и закрыл ладонью глаза.

Старик спокойно делает могучий рывок...
...ослик благополучно проскакивает перед самым камнем.
Алиджан открыл глаза и глянул в быстрину.
Горная речка с оглушительным ревом мчалась прямо под ноги мальчика.
Мальчик с ужасом смотрит вниз.
Пенящиеся волны расплылись перед глаза. Загудели сзади, за спиной...
Жердь двоится, уплывает в сторону...
Мальчик зашатался...
– Эгей! – раздался голос старика.
Он стоял по колено в воде, тянул осла за веревку левой рукой, а правой делал балансирующий жест.
Алиджан, раскинув руки, пытается балансировать.
Расплывшееся изображение жерди соединяется в одно.
Переметная сума на плече мальчика тянет его в сторону. Равновесие утеряно...
Алиджан, размахивая руками, из последних сил старается удержаться на жерди.
Внизу угрожающе торчат камни, бешено рычит поток.
Алиджан бросает умоляющий взгляд на деда.
Старик – все такой же насмешливо-невозмутимый – делает рукой медленный цепкий хватательный жест.
Мальчик, падая, успевает схватиться обеими руками за жердь.
Сума слетела с плеча и исчезла в потоке. Мальчик висит над водой, косматые волны кидаются вверх, как собаки, пытаясь допрыгнуть до его ног.
Алиджан поворачивает к деду искаженное страхом лицо.
Продолжая из последних сил вытягивать ослика, старик, искоса поглядывая на внука, круто сгибает высоко поднятое колено и хлопает об него ладонью.
Алиджан раскачался...
...рывок...
И он захватил согнутой ногой жердь.
Закусив губу, тянет веревку старик.
Стиснув зубы, силится подтянуться Алиджан.
Медленно выкарабкивается из быстрины ослик.
Медленно разжимает пальцы мальчик.
Старик рванул веревку...
...ослик вытянут из водоворота на отмель.
Алиджан сорвался и рухнул в поток.
Стоя спиной к реке, старик гневно смотрит на измученного трясущегося ослика.
– Ты чем недоволен, собачий сын? Искупался в речке? Благодарить надо, а не хмуриться. Когда ты последний раз был в бане?
Не спеша оборачивается в сторону внука...
...жердь пуста.
Старик, приложив ладони козырьком к глазам, неторопливо – позевывая – озирает ущелье и речку.
– А где же мой уважаемый внук Алиджан?
Как щепку, швыряют волны Алиджана.
Указывая на мальчика, старик наставительно говорит ослу:
– Видишь, обормот, Алиджан – парень чистоплотный... Не надо тащить – сам в речку полез... А ты?... Эх...
И, не спуская с внука глаз, сказал:
– Что-то и мне поплескаться захотелось...
Не раздеваясь, бросается в стремнину.

*Бешеная река крутит деда и внука в крутых водоворотах.
Несет на камни, сближает, кидает в разные стороны.
Осел глядит на них, беспокожно притоптывая копытом. Рванулся было вперед,
но тут же оглянулся...
...переметная сума.
Она стоит так, что между двумя половинками виден просвет.
Длинноухий, склонив голову, глядит на суму. Потом, догадливо кивнув головой,
решительно подошел к ней.
Ловко просунул голову в просвет, резко выпрямил спину, встряхнулся и пере-
кинул суму на спину.
С душераздирающим воплем пустился галопом по берегу вниз по реке.
С величайшим трудом доплыл старик до Алиджана.
Оба бьются с волной, стараясь выбраться на берег. Но мощная струя вновь и
вновь отбрасывает их на середину.
Старику удалось ухватиться одной рукой за камень у берега, другой он крепко
придерживает внука.
Дед и внук обессилены, задыхаются от страшной усталости.
Старик уныло:
– Похоже, тут и придется ночевать.
За кадром – откуда-то сверху – ленивый добродушный голос:
– Тонете, что ли?
В глазах старика и внука, барахтающихся в быстром потоке, – изумление.
Медленная панорама от воды на высокий береговой откос.
На камне сидит, прикусывая травинку, широкоплечий молодой узбек в одних
шароварах, закатанных до колен.
У него бритая ладная голова, чистое мужественное лицо, ласковые глаза. Во
всей его позе чувствуются покой и безмятежность.
Снизу ему оскорбленно возразил старик:
– Тонем? Кто тебе сказал? Купаемся...
– А-а... – у молодого узбека ослепительно белые зубы и обаятельная улыбка. –
Однако, может, помочь, все-таки?..
Набжевшая волна окатила старика с головой, он откашлялся и ворчливо про-
изнес:
– Нам и здесь хорошо... Но если тебе нечего делать, – как хочешь... Попробуй
вытащить...»*

IV

Эти двое не утонули. Сделались спасены.
Поглощающие воды преследовали пока лишь героев. Хотя, возможно, уже под-
катываясь и к автору.

V

Именно в литературных делах Явдат Ильясов всегда оказывался удивительно трезв. Ведь там, где писательская душа Явдата вдруг просыпалась, осознав самую себя, она жестоко вытравляла из писателя Ильясова, пьян он уже, или еще не пьян, все мешающее творчеству, со-творению, написанию текста.

Худенький, бледный, лобастый, он часто недомогал, был застенчив и слабосилен, зато обладал необыкновенным тайным упорством, острым воображением и чуткостью. От обиды, особенно незаслуженной, он замыкался наглухо в себе. Но порой безграничное самолюбие заставляло его, внезапно вспыхнув, нападать на мальчишек намного старше. Нападать – и бить. Чем попало, лишь бы доказать свое.

Скорее всего, именно так: Явдат Ильясов принадлежал к той части русской интеллигенции (да не сочтется преувеличением), которую, по словам другого известного писателя, – не свалить было с ног и стаканом водки. Да ведь и работала такая интеллигенция не в пример... Не умея останавливаться на полусделанном, не торопясь отдыхать. До разрыва всех жил, аорт и – чего еще там...

До мгновенной остановки перенапряженного сердца.

Всего две открытки от Ильясова к Равилю Батырову сохранилось в моей коллекции автографов. Это все тот же 1964 год. Явдат со своей женой, наконец-то, оторвался от писательской сосредоточенности, издательской нервной трепотни, режиссерского вечного неудовольствия... Отбросил их, даже как будто бы позабыв.

Ведь сценарий в общем-то готов. В целом принят. И уже разворачивается к жизни на съемочных площадках...

Можно даже попробовать сосредоточиться и на предстоящем отдыхе.

Сначала почти получается. Но потом, – хотя вскользь, хотя пока между строк, а все-таки – опять о работе.

«Почтовая открытка. Авиа.

Равиль, привет! Вот мы и в Гагре. Были в Тбилиси, проехали автобусом всю Грузию. Ездили в Сочи и Адлер. Живем в десяти метрах от моря, купаемся. Адрес я оставил тебе неправильный, переменялся. Что нового? Пиши. Привет ребятам. Соображения по поводу концовки фильма вышлю на днях письмом. Будь здоров. 26 - V - 64 г. Явдат. г.Гагра. ул. Курортная, 52. Дом творчества СП СССР «Гагра» Ильясов Я.Х.»

В тексте следующей открытки еще существуют строки: *«Поправляться, так поправляться!»*. Но верит ли он сам в их исполнимость, если подразумевать планируемое ничегонеделание? Ничуть!

«30 мая 1964 г. Гагра.

Друг Равиль-Багатур, привет!

Отдыхаю, как говорится, душой и телом. Нисколько не жалею, что приехал сюда. Чудесная поездка! На следующее утро после того, как мы с тобой распрощались, я и Анор были примерно в то же время уже в Тбилиси. Осмотрели город, купили кое-какую мелочь, наелись до отвала шашлыку по-Грузински (я не ошибся, здесь так и пишут с большой буквы). И стоит писать – отличный шашлык. Мощь. В Тбилиси переспали на вокзале, в 6 ч. утра погрузились в комфортабельный автобус «Тбилиси – Сочи», и за 15 часов перемахнув через леса, горы и долины прекрасной Грузии, прикатили в Адлер. Остановились в пансионате. Побывали в Сочи. А с 24-го обосновались в Доме творчества. Купаемся, загораем, гуляем. Ай, хорошо! Дом стоит у самого моря, шагах в десяти-двадцати, волны шумят прямо у балкона. Понемногу пишу.

Катались на «Комете» (на подводных крыльях), на легком теплоходе, на простой весельной шлюпке, ездили в местной электричке. Осталось прокатиться на вертолете и глассере – есть тут такие, навалом. Не отказываем себе ни в чем, кроме спиртного. Кормят, к удивлению, хорошо. Но мы нет-нет, да забежим в шашлычную – поправляться, так поправляться!

Главное – тут чистейший воздух, нет пыли и жары. Сказочный уголок! Море. Горы. Лес. Каждая штука сама по себе, в отдельности, волшебный мир, правда? А тут все это – вместе, да вдобавок субтропическая экзотика: пальмы, лавры, кипарисы и прочее. Восторг! Всего не перескажешь. Будем снимать здесь фильм, обязательно!

Познакомился с писателем Ник. Асановым (помнишь недавно в «Огоньке» «Янтарное море»? Ну, и так далее, личность, довольно известная в Москве). Сидим с ним

в столовой за одним столом, живем рядом. Я ему уже книги свои всучил. Видишь, какие мы пронирыльные татары! Шутки шутками, а человек он приятный.

Ну, ладно, ближе к делу.

По поводу «Канатоходцев» считаю нужным повторить следующее.

1. Начинать с браваурной экзотической музыки – зурна, бубен, карнай. Пусть не «Дутар бояты», но что-нибудь такое. Обязательно. Главное – чтоб музыка была необычной, именно экзотической.

2. Соображения о судьбе Мирхайдара. Может, все-таки оставить его жить, а?

Ты объясни сомневающимся, что, дав Мирхайдару сбежать, мы хотим сказать этим самым, что «и снова – бой, покой нам только снится» и т.д., что судьба продолжается, Мирхайдар где-то ходит по земле, и надо держать порох сухим. А если кто-нибудь возразит – мол, дав Мирхайдару уйти, мы не выполнили задачу, поставленную в самом начале фильма (найти и уничтожить Мирхайдара), что это не от большого ума. Неужели они не замечают, что мы сделали гораздо больше? Показали ту жизнь. Разоблачили басмачей. Разбудили совесть и смелость у пастуха. Заронили в душу девочки мечту о светлой жизни. Закалили характер мальчика, пропустив его через сто испытаний. Наконец, взбунтовали народ против Мирхайдара, и это самое важное. Что касается физического уничтожения, то басмачей мы переколотили гораздо больше, чем погигло наших! Нет, Мирхайдар должен убежать, это заронит в души зрителя (должно заронить) искру тревоги, бдительности и настороженности. Иначе получится пряничный конец. Тьфу, с души воротит. Не убивать Мирхайдара!

3. При переходе старика и мальчика от переправы к одинокой крестьянской усадьбе (отснятые кадры) нет ощущения простора, зноя, дальней дороги, бескрайности. Это потому, что путники поданы очень крупным планом. Надо добавить пару кадров, сняв их издали, затерянными на тропе на фоне гигантских пространств, открытых солнцу и ветру. Понимаешь? Вот так примерно (стрелкой указано на рисунок возможного кадра, сделанный Ильясковым – авт.) Словом, ясно. Это надо сделать обязательно.

Посылаю вырезку из «Сов. России» – пригодится для нового сценария. У меня уже есть кое-какие соображения.

Как там дела? Пиши. Привет Шадику, Жене, Лорду Гладстону Сергеевичу и другим товарищам. Жду горячих и сердечных посланий.

Явдат, сын Хасана». (Оба текста публикуются впервые – авт.)

Не дай Бог, если у кого-то вдруг сложится впечатление, что в главном своем жизненном существовании Ильясов – это талант с пьяными кулаками, что только ими он и доказывал и утверждал себя. Ничуть не бывало... Подобное впечатление приживается у тех, кто живет внешним, воспринимая даже и книги, им созданные, как нечто само собой дополняющее внешнего же Ильясова. Ильясова без метафизики.

Между тем все его девять повестей – «Тропа гнева», «Согдиана» (впрочем, свою «Согдиану» Явдат Ильясов иногда называл романом, и, пожалуй, был прав), «Пятнистая смерть», «Стрела и солнце», «Черная вдова», «Золотой истукан», «Защититель змей», «Месть Анахиты», «Башня молчания» – до краев полны аллюзиями, невысказанной высказанностью. Тем, о чем хотелось бы поговорить, да нельзя было.

В шуру прошлого не влезть никому, – ссохлась от горячего времени. И пишущий об истории – дурак, если он думает, что пишет об истории. Он пишет о настоящем: и слова из сопутствующего здешнего мира, и мысли подсказываются сегодняшним днем.

Ильясов вольничал. Позволял непозволительное: устами пьяного Хайяма, а то – и того лучше – словами государственного визиря, говорил о государстве и о больших правящих людях совсем по всем временам непотребное.

Ассоциативное.

Некий весьма благочестивый шах решил истребить всех смутьянов, дабы они не сбивали с толку правоверный народ. ...Послушные слуги шаха разбрелись по стране, хватали смутьянов и тут же рубили им голову. Шах доволен: уж теперь-то в его державе наступит век благоденствия! Он торопил уставших слуг и наказывал нерадивых. И вот однажды они, заляпанные кровью, донесли: «Повеление ваше исполнено, о государь!» – «Хорошо! – воскликнул шах. – Я награжу вас за верную службу. Но где же народ, почему я не слышу ликующих кликов?» – «Некому ликовать, государь. У вас больше нет народа». – «То есть как?» – «Все обезглавлены»...

Естественно, что никогда никаким диссидентом Явдат Ильясов не был и не мог быть. Все его диссидентство заключалось в том, что его желание выпить водки или вина не совпадало с государственными праздниками.

Хотя, о чем же тогда вся книга «Стрела и солнце», на страницах которой царь Босфора, стремящийся покорить демократическую республику – Херсонес, независимо существующую в юго-западной части Тавриды, вдруг встречает стену из отчаянно стремящихся отстоять свою свободную независимость пахарей и рыбаков?

Где это он увидел такое, живя в стране единоголосной, единоголосной, единоголосной?

Все там, наверху, одинаковы. Вечно грызут друг друга, точно бешеные собаки, обвиняют друг друга в невероятных преступлениях, объявляют себя спасителями народа. Но стоит только кому-нибудь из этих презренных болтунов попасть на трон, он начинает обирать нас похлеще прежнего царя.

Дочь Ильясова – Илона, выросшая в хорошего журналиста, однажды записала рассказ отца о том, как он в детстве охранял земельный участок с посаженными там дынями, куда повадились приходиться ночные шакалы, и пока люди спали, объедали желто-зеленый урожай. Бабушка мальчишки Явдата не стала искать человека, чтобы тот с колотушкой ходил вокруг дынь под ночными мокро-холодными звездами, тоже, как звездочет, стучал бы в свою колотушку и пугал шелудивых зверей.

Неподалеку от еще не обкусанных дынь в землю был врыт невысокий шест, увенчанный не короной, но двумя крышками от кастрюль. От шеста до веранды, где спал Явдат, протянулась бечевка, привязанная к его голой ноге. Длинными ночами налетали болотные москиты – в тугаях размножившиеся местные комары – и кусали Явдата. Мальчишка дергался и сучил ногой. Крышки гремели. И шакалы осторожничали, отбегая, оглядываясь и с неудовольствием передергивая клочковатую шерсть на спине.

Но под утро Явдат уже спал так крепко, что и москитам было его не добудиться. Просыпался же только тогда, когда уже наевшиеся шакалы начинали гнусно завывать над близкими болотами тонкими голосами, похожими на младенческий плач.

Так вот и в жизни Явдат все ворочался и ворочался в застоявшемся мире политики и литературы. И дергалась натянутая им бечевка. И гремели крышки околелитературных кастрюль, бестолково – и лишь на время – беспокоя всех, ожидавших своей еды.

Притча, она и есть притча. А недовольство государством – обычное дело – всегда выливается в недовольство самим собой, своей неспособностью сделаться одинаковым с другими, какие запланированно конструируются сверху.

Если же говорить не притчами и без восточных арабесок, государственная погода сиюминутного, а не древнего дня, стояла такая, что, как говаривал Михоэлс: «Когда передо мной стоит бутылка и рюмка водки, я чувствую себя свободным. Это – волеизлияние».

Или еще, – из драматургических текстов афористичного писателя Сигизмунда Кржижановского:

– Поручик, почему вы так много пьете?

– Я слишком трезво отношусь к окружающей действительности!

Когда не хватало денег, Ильясов занимал их у друзей и опьянял себя.

Когда не хватало радостей этого мира, он сочинял текст и пил его мелкими глотками сочиненных слов. И кувшин, им созданный не из глины, а из сюжета и фобулы, в отличие от всех настоящих, испиваемых, выпиваемых до самого дна, оказывался неистощимым. Из него и мы до сих пор пьем. И на нашу долю осталось.

И, рискну сказать, в этом писатель Ильясов становился последователем, вторым «я» Абуль-Фатха Омара Хайяма Нишапурского, жил такой на земле, – поскольку и тот, и другой были опьянены словами и их смыслами. Ведь это только не сведущему в философии человеку прочитываются в рубайях Хайяма некие назидательно-винные многозначительности. Отнюдь... Хайям не был суфием, аскетом, дервишем, то есть мусульманином-отшельником. Но был поэтом-философом, который в понятие того же вина («мей») вкладывал метафорический суфийский же образ, расшифровать глубину и смысл которого способен часто лишь тоже суфий, владеющий ключом дервишизма. Но не мы – слепые люди, – не знакомые с метафорической, предельно поэтической, образной философией Востока. С ее зашифрованностью.

Кстати добавлю, – собственно хайямовских строк, по словам великолепной таджикской поэтессы Гулрухсор Сафиевой, атрибутировано лишь около четырех сотен. Все остальное, изученное ею по персоязычным (фарси) оригиналам, – многосотенное (или – точнее – многотысячное) его наследие, почти весь издаваемый пятитысячный рубайят, лишь более или менее точно записанный народный фольклор, более или менее точно переведенный (а по-сути дописанный и досочиненный) поэтами-переводчиками, и Хайяму приписываемый. Среди авторов «хайямовских» текстов можно найти даже женщину – поэтессу из Азербайджана Мехсети Гянджеви.

И не в кабаке, по ее же, Гулрухсор Сафиевой, словам, Хайям приглашает читателей, но в страну «куништ», то есть в место, которое не имеет ни начала, ни конца....

Все это великолепно же понимал и Явдат Ильясов, потому и писал книгу все-таки не о пьянице, но о математике, астрономе, философе.

А в этих науках сам Ильясов знал немалый толк.

Хотя и в первом он тоже весьма и весьма разбирался.

Его учитель – шейх Назир Мухаммед Мансур говаривал так:

– Видел пьяниц! И пить грех, и хочется пить. Потому – разлад в душе.

VI

Из **ЗАКЛЮЧЕНИЯ** на фильм «Канатоходцы»

17 ноября 1964 года съемочная группа представила на обсуждение Художественного совета окончательный (на одной пленке) вариант картины «Канатоходцы».

По единодушному мнению членов Художественного совета, задача, поставленная перед съемочной группой – создать интересный увлекательный приключенческий фильм для юношества, – выполнена успешно.

Картина снята по оригинальному и своеобразному сценарию молодых кинодраматургов Я.Ильясова и П.Ташкенбаев. Сценарий написан в форме старинных средневековых легенд и сказаний, где люди говорят скупой и осторожно.

При всех жанровых особенностях, свойственных для приключенческой ленты, режиссер Р.Батыров в своей первой самостоятельной работе сумел избежать тех режиссерских штампов и трафаретных ходов, которые, к сожалению, часто встречаются в подобных картинах. Ведь нередко еще выходят на экраны фильмы, в которых стандартный детективный сюжет просто-напросто «гримируется» под национальную форму – люди одеваются в тюбетейки и халаты.

В этом отношении картину «Канатоходцы» можно с полным правом определить, как подлинно национальную форму приключенческого жанра, и в этом главная заслуга постановщика Р.Батырова. Режиссерское внимание сосредоточено не только

на приключенческой ритмике сюжета, а на воспроизведении необходимой фильму поэтичности узбекского пейзажа, национальных обычаев, специфических особенностей в отношении людей.

Вопреки установившемуся мнению, что приключенческий жанр требует стремительного потока событий, режиссер Батыров не перегружает картину обилием шаблонно острых сцен, предпочитая подробно и неторопливо раскрывать внутреннее состояние героев в форме больших эпизодов, почти новелл, где каждая деталь обстановки, пейзажа и поведения людей достоверно наполнена большим смыслом, народной мудростью.

Прообразом старика Таштемира послужил знаменитый узбекский канатоходец Ташкенбаев, родоначальник целой семьи народных артистов.

Это позволяет считать картину в какой-то мере биографической, хотя, конечно, ни одно из показанных событий не имело места в действительности. Но важно другое – образ канатоходца Таштемира удивительно верен правде тех лет, когда народные артисты, не колеблясь, шли в лагерь восставшего народа, уходили в красноармейские отряды.

В исполнении прекрасного артиста Р.Хамраева роль Таштемира обогатилась многообразием оттенков и нюансов. Это не просто канатоходец – это своеобразный философ, философ земли, бесконечных просторов и вместе с тем – это человек твердого гражданского долга, человек страстный и волевой. Таштемир Р.Хамраева никогда не бывает одинаков в средствах авторской выразительности. Единственная черта, которую можно считать непреходящей и основной в образе, – это неистребимая вера в победу добра. Вера, сближающая Таштемира с народным героем Ходжой Насреддином.

Авторы картины еще раз утвердили мысль о том, что народность фильма заключается вовсе не в масштабных массовочных сценах, а в постижении народного характера, в создании правдивой атмосферы действия.

Оригинально найдена режиссером композиция картины. Большая часть эпизодов развивается неторопливо, распевно, позволяя глубоко и подробно воспринять характеры персонажей, почувствовать поэтичность края. Весь зрительский интерес этой части фильма строится не на фабульном принципе – дойдут или не дойдут разведчики-канатоходцы до лагеря басмачей, – а на том, как идут герои, какие мысли волнуют их, с какими людьми они сталкиваются, о чем они беседуют...

В этой части картины постановщик обнаружил серьезную склонность к пристальному кинонаблюдению.

Но вот – финальные эпизоды картины. Ритм неожиданно меняется. Режиссер демонстрирует способность профессионально выстроить цепь напряженных острых приключенческих сцен. Таким образом, вся, так называемая детективная линия возникает ударно, неожиданно – в последних частях картины, после того, как зритель успел понять и полюбить героев – Таштемира и его внука Алиджана.

Фильм «Канатоходцы» интересен еще и органическим слиянием режиссерской и операторской трактовки. При всей выразительности и даже эффектности изобразительных средств Д.Фатхулина, операторская работа лишена самоцельных трюков и модных ухищрений. Камера Д.Фатхулина тактично и мягко помогает прежде всего раскрытию актерской индивидуальности, созданию поэтичной гаммы в пейзажах.

Фильм «Канатоходцы» свидетельствует о художественной зрелости его создателей и творческом развитии ими лучших национальных традиций узбекского киноискусства.

Художественный совет единогласно считает представить фильм «Канатоходцы» по первой группе оплаты за качество.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОВЕТА КИНОСТУДИИ «УЗБЕКФИЛЬМ»
И.РАХИМОВ

VII

По воспоминаниям одного из мемуаристов, он разглядел на рабочем столе Явдата Ильясова труды Ксенофонта, Геродота, Плутарха, Арриана, Рашид-ад-Дина, Насави, Джувейни с добавлением, конечно, исторических трудов В.Бартольда, Б.Владимирцова и С.Толстова.

Этот джентльменский набор имен, именно в этой – одинаковой для двоих – последовательности и с одинаковою же ошибкой («Б.Владимирцев», вместо «Б.Владимирцов») встречается сразу у двух авторов, пишущих о Явдате Ильясове – у Т.Лобановой (газета «Правда Востока» № 39 (21905) за 16 февраля 1989 года и у Н.Красильникова («Заглянувший в тайны веков», предисловие к книге Я.Ильясова «Черная вдова», повести, изд. Гафура Гуляма, Ташкент, 1991 г.)

Сомнительное наблюдение.

Я тоже однажды в свое деловое посещение Явдата нескромно рискнул взглянуть в аккуратно разложенные по столу, самостоятельные, без всяких поддерживающих сбоку книг, бумажные листы рукописи.

На каждой только что написанной странице – порядковый номер в правом верхнем углу, взятый в завершающе точный, обводящий всю цифру, авторучечный круг. Позже я узнал эти рукописи, точнее – слова с их страниц, узнал уже изданными, читая его повесть «Золотой истукан».

Тогда же, кстати, не прикоснувшись к бумажным листам, я совершил кражу...

Вернувшись домой и исписав такой же бумажный лист каким-то уже своим собственным текстом, поставил в правом верхнем углу рукописи порядковый ее номер, взятый в завершающе точный, обводящий всю цифру, авторучечный ильясковский круг.

Присвоил украденную у Ильясова манеру нумерации литературных, только что написанных страниц.

Так делаю и до сих пор...

У Явдата, как помнится, не было библиотеки даже из собственных, им написанных книг. Ни одного издания.

Исчезновение дареных Ильясовым книг и из библиотеки того же Батырова было необратимо постоянным. Осчастливив одного из своих лучших друзей очередной, только что вышедшей книгой, взятой из авторских экземпляров (уже беспощадно раздаренных) и душевно снабженной дарственной надписью (вроде вот такой: «Другу Равиль-Багатуру с пожеланием больших творческих успехов на ниве киноискусства. Явдат Ильясов»), он сам всегда оставался ни с чем.

Режиссер Равиль Батыров, успешно снимающий уже новые свои фильмы, но вошедший в кинематограф все-таки успехом «Канатоходцев», где с подачи Ильясова удачно сошлись – история, приключения и судьбы нестандартных героев, в одном из своих писем к бывшему своему сценаристу сетовал не без оснований:

«Явдат!

Так складываются обстоятельства, что не имею совершенно свободного времени, чтобы встретиться с тобой. Кончаю съемки фильма, вышел на финишную прямую – в конце января должен закончить съемочный период, а осталось много. Не успеваю.

...Пользуюсь случаем напомнить о том, что в моей скромной библиотеке не хватает несколько книг. Какие – ты сам знаешь. И самая дорогая для меня среди них – «Черная вдова» с твоей дарственной надписью. Книга эта уже переиздана, в магазинах ее уже нет. Но нет ее и у меня! Как быть? Не забыл своего обещания?»

Когда некоему издательству, желающему поправить план ходкой хорошошей книгой, приходило на ум переиздать последний исторический – всегда бестселлер! – роман Ильясова (*Общий тираж его книг, по данным Интернета, на 2006 год состав-*

лял 23 миллиона экземпляров. Сейчас, понятно, эти цифры сильно увеличились. – **Авт.**), и они обращались к нему, писатель делал круг по своим друзьям, изымая у них недавно им же подаренные с автографом книги, раздирал их на рабочие листы, делал свежую расклейку страниц и сносил в издательство. Друзья же оставались и без книг, и без автографов навсегда.

Еще недавно подобное «раздирание» объяснений не требовало. Это в близкое к нам время, когда электронный набор тысячестраничной книги (да что там: десятка таких книг!) невидимо помещается на одной флэшке и легко может затеряться в неглубоком кармане, вопрос уже возникает...

Ответ прост: прежняя типографская печать требовала металлических матриц, – дело дорогое. Хранение же их для будущих переизданий – вообще невозможное. Одна, таким образом отлитая полоса для журнала или для книги весила пять-шесть килограммов.

Какие стеллажи выдержат килограммы металла хотя бы одной металлической книги страниц в двести, триста, четыреста?..

Грохочущие роторы накручивали тираж, издательство принимало напечатанное и отпускало измазанный черной краской набор в заслуженную переплавку. Матово и равнодушно блестящего металла должно было хватить на книгу следующего, наступающего на типографские пятки, автора.

Срочно переиздать прежнего? Значит взять предыдущее бумажное издание, разодрать на пять-шесть частей, по числу заново считывающих и перенабирающих текст линотиписток, чтобы набиралось быстрее, и – вперед...

Буковка за буковкой, строка за строкой, страница за страницей. Все должно обжечь заново, вновь прорасти из горячего котла расплавленного старого металла.

Не сохранялось у Ильёсова собственных книг. Не образовывалось и собственной специальной исторической библиотеки.

Это у Батырова, когда он с великим воодушевлением вместе с Явдатом взялся создавать сценарий по «Согдиане», на блестящем столе в его маленьком кабинете на Чиланзаре появились как будто незаменимые книги. От Плутарха до путеводителя по Эрмитажу.

Явдат Хасанович писал иначе.

То есть, даже и опираясь на труды тех же – Ксенофонта, Геродота, Плутарха, Арриана, Рашид-ад-Дина, Насави, Джувейни с добавлением, конечно, исторических трудов В.Бартольда, Б.Владимирцова и С.Толстова, в своих литературных работах Ильёсов цитировал уже как бы и не книги, «...лежащие на рабочем столе писателя», но утонченнейшую, неохватную, непостижимую свою память на источники, факты, имена и даты из исторического коловращения вселенной.

Он ведал, знал, – где что есть.

Помнил – в каком из побывавших у него однажды в руках издании, что можно найти. Ну, а точность цитаты, – это уж действительно только по книге.

А поскольку факты хранились не в разных отдельных книгах, а как бы в одном месте – в его голове, то они – естественно – находились в постоянном взаимодействии друг с другом, в столкновениях и отталкиваниях. Соударяясь, факты и события порождали неожиданные сопоставления, искрами взблескивающий неожиданный текст.

Омару исполнилось 10 – пирамиде Хеопса 3880. Ашшурбанипалово хранилище писмен погребло за 1670 лет до той поры. Аристотель умер 1380 лет назад. Улугбек родился через 336 лет. Джордано Бруно сожгут на костре через 542 года.

И вот эти, его писательским пером зафиксированные, описанные, выписанные уже не взблески, но всполохи света высвечивали невероятно широкое временное поле с вечным человеческим движением на нем – от VI века до новой эры к XIV веку, эры обещающе новой.

VIII

Все тексты Ильясова – движение. И метафорическое – за познанием, истиной, смыслом обитания на этой, давшей приют всякой жизни, равнодушной земле. И реальное – по этой самой земле, движение людей. Пеше ли, конно ли...

Тот же гибнущий юноша-массагет¹, именем Ширак, герой «**Тропы гнева**» уводит, вводит, заводит персидское войско в безжалостные пески, над которыми уже нет неба, но есть марево из стеклянного, жидко-раскаленного воздуха, и которые несут три цвета: красный – в глубине пустыни, желтый – по ее окраинам, и оранжевый – там, где пески смешиваются между собою (желтое с красным), порождая оранжевый цвет. Цвет смерти испепеленного солнцем войска захватчиков.

Мертвым шагом, позванивая железом оружия, скрипя кожей ремней и пованивая солдатским потом самоуверенного Рима, входят в те же смертоносные земли Востока войска Марка Лициния Красса, чтобы тоже найти собственную смерть, и тоже – бесславную. Это – «**Месть Анахиты**».

Изгоняют из общей для всех людской жизни красавицу Гуль-Дурсун, ради тартарского царевича Орду-Эчена, осадившего город, предавшей и собственного мужа, и сородичей-хорезмийцев, изгоняют в никуда, в вечно проклятое путешествие. О ней рассказывают разное. Одни – что степняки привязали ее к хвостам диких коней, разорвали на части. Чтоб все восхитились их честностью и справедливостью. Другие – что оставили в живых, но прогнали прочь. Она долго ютилась в развалинах среди подруг-паучих, питаясь черепаками и змеями. Потом сама превратилась в большую змею и до сих пор таится в подземных лабиринтах, ждет часа, чтоб вновь обернуться такой же, как прежде, красивой, страстной и страшной женщиной, чьей-то горькой любовью («**Черная вдова**»).

Мечется по земле Хорезма и по всякой другой, чуя голос Руси зовущий, Руслан-Ируслан, силающийся догнать тот голос, добежать до него, поравняться влиться в обретенную Русь. Самому стать ее голосом. За тысячи верст зовет мать Русь своих детей, скитающихся по чужим дорогам, – и заблудших, сбившихся с пути, и тех, кто с чистым сердцем рвется к ней; зовет, не обещая дарового хлеба, скатертей-самобранок, печей, по щучьему велению бегущих в лес по дрова, безбедной праздной жизни под шапкой-невидимкой; зовет к трудам и новым заботам, и может – к новым невзгодам, к драке за добрую жизнь, о которой говорится в сказках, к выполнению сыновьего долга; зовет жалеючи их, горемычных: – Чадо мое, Печаль!

У Явдата Ильясова никогда не было своей Ясной Поляны, раз и навсегда обозначенного своего угла жизни.

Временем, еще не приливной, но как будто бы отливною волной сразу же сорвало с обманчиво спокойного семейного берега родины и принялось носить по свету. От башкирского села Исламбахты, где он явился на свет февральским днем 1929 года (получалось, – чтобы писать книги), до Ташкента (где эти книги и написались).

Хотя, – сидеть бы ему на месте, ведь по материнской линии он был как будто из знатного рода башкирских тархан, то есть князей вотчинников, вольно и без налогов (за что-то эту благодать прежде ведь заслуживших), живущих в своей вотчине.

¹Массагеты (греч. Massagetai) – собирательное название группы племен Закаспия и Приаралья в сочинениях древнегреческих авторов. О каких племенах говорит тот или иной автор, называя их массагетами, не всегда ясно. По Геродоту, массагеты – кочевники; сражались они пешими и на конях, причем их кони имели на груди латы; их утварь и оружие изготовлялись из меди и золота. В борьбе с ними погиб основатель Ахеменидской державы Кир, побежденный царицей массагетов Тамирис. По Страбону, массагеты поклонялись солнцу и приносили ему в жертву лошадей. Наряду с кочевниками Страбон относит к массагетам обитателей приаральских болот и островов, живших примитивным собирательством и рыбной ловлей, а также некоторые знавшие земледелие племена (например, хорезмийцев). БСЭ т.15, стр. 450.

Но уже даже и его мать Сайдикамал (вариант: Саидкамал) Хисаметдинова не имела подобного настоящего, по каким-то там причинам (а какие еще, кроме войн и переворотов, могли быть причины в начале XX века?) воспитывалась в детдоме, чтобы сделаться комсомолкой и читать стихи. Слава Богу, не худшие: Габдуллы Тукая и Маджита Гафури. Да и сама – повернись женская жизнь по-другому, – пожалуй, смогла бы сравняться: талант был. Еще и после гибели Явдата печаль свою укладывала в бейты – легкие двустушия, из которых на арабском, персидском и тюркском Востоке легко можно сложить и газели, и касыды, и хайямовские рубайи...

В поэзию ее только-только начинающейся женской жизни, наверное, молодую же поэзией, вошел столяр-краснодеревщик Хасан-агай Ильясов. В Исламбахты работы для быта ему не оказалось, зато оказалась она где-то там, далеко, на Урале, куда он и рванулся, чтобы осесть. Звал с собою, к себе... Только что-то произошло, и Сайдикамал с трехлетним Явдатом бросилась от своего прошлого и от Хасан-агая в Среднюю Азию.

Уносила волна, откатывалась.

С того самого времени Явдат Ильясов принялся существовать, по сути же путешествуя тоже, еще и в шумном, самозначимом многоязычии: родным языком был татарский, но с пяти лет учеба уже на казахском, с шести – на узбекском, с семи – на русском.

Отчим – Али Закиров – умел печь хлеб и научил Явдата из абсолютно мертвого предмета извлекать живое дыхание не мертвого существования. А из монотонного замешивания равнодушной муки, через вековечное ремесленничество пекаря научил неравнодушному отношению к обыденной жизни.

Если она не мелка.

Что губит судьбу человеческую? Ядовитая пыль житейских мелочей. Он давно стряхнул ее с души, как иной после долгих дорог отряхивает прах с разбитых ног.

Впрочем, не думаю, что подобных зерен одухотворения мертвой природы у него, Ильясова, следовало как-то вбрасывать. У него это словно было внутри изначально. Подобное одухотворение – живая, питающая кровь всякого писателя. Без умения так понимать внешний мир писатель мертв, как остается мертва и не увиденная им по-настоящему, в настоящей своей собственной жизни, всякая великая и мелкая природа.

И до, и после своего пекарства он побывал возчиком на лубяном заводе, собирал овощи, копал землю, пас лошадей, работал на молотье, молотобойцем в кузнице, слесарем, трактористом, учителем: как-никак – успел поучиться и в ФЗО, и в педагогическом, и в художественном училищах¹.

Нет, Ясной Поляны у него уж точно не случилось.

Все из случившегося и случайно, и – нет. Во всем – подступы к текстам, к литературе.

Будто сама эта природа то и дело притягивала его к себе, делая так, чтобы было кому пожаловаться, чтобы появился тот, кто ее бы расслышал.

А у Явдата Ильясова это получалось:

– Я впервые услышал, как трактор кричит человеческим голосом.

Писатель Ильясов живую жизнь извлекает как бы из открывшихся ему ее событий, из предметов, попавшихся на пути, рассказавших ему о чем-то с собственной целью, чтобы он пересказал расслышанное всем, не имеющим подобного дара.

В этой связи нам не избежать, не избить и еще одной параллели, кроме уже прежде – Ильясов-Рашидов – названной: Ильясов-Борудин.

¹Подробно о юности Явдата Ильясова и о его семье в интереснейшей книге Илоны и Джангара Ильясовых «Несмотря – и вопреки. Повесть об отце».

IX

Ильясов больше, чем кто-либо другой, чем тот же Сергей Бородин, строил свои повести по очень жесткой схеме. Подчас откровенно умозрительной. Живое движение жизни он оковывал железными рамками сюжета и – точно машинист поезда – строго вел свой литературный состав по заранее проложенным рельсам, от завязки к развязке. Другое дело, что люди в прицепных главах-вагонах пели и смеялись, искренне оплакивали друг друга и искренне же любили или ненавидели. В строго умозрительных главах расчисленных железной рукою писателя Ильясова, они – несмотря ни на что – жили вольно, по своим человеческим законам, – здесь он им это позволял.

Так два писателя сталкивались в одновременном мире исторической литературы. Сталкивались и в мире не вымышленном.

«...Мною любимый писатель Ильясов, уже известный прозаик, оказывается, три года отсидел в тюрьме. После выхода он работал в разных учреждениях, и однажды главный редактор журнала «Звезда Востока» Андрей Иванов пригласил Ильясова и предложил ему должность завотделом поэзии. Явдат часто посещал «Пятак»¹, где в компании Панова, Белова, Ушакова² порой напивался до чертиков.

А чуть позже произошло ЧП. Известному в стране прозаику Сергею Бородину присвоили звание Народного писателя Узбекистана, и, по существующей традиции, автор книг «Дмитрий Донской», «Звезды над Самаркандом» и других решил отметить это событие. Среди приглашенных на торжество оказался и Явдат Ильясов.

Застолье было обильным. Вино, как говорится, лилось рекой. Сильно подвыпивший Явдат вдруг надумал выяснять отношения с Бородиным: у Ильясова было подозрение, что старший коллега очень критически относится к его творчеству, а потому порой «перекрывает шланг с кислородом».

После этого инцидента Явдат долго лежал в больнице, а Бородин, как и следовало ожидать, вовсе отвернулся от него³.

Ильясов не терпел представительства в литературе, он понимал лишь присутствие в ней.

Нельзя во имя красоты, к примеру, уродовать чей-то красивый лик. Или – во имя света разрушать светильник... ..Это все равно, что лгать во имя правды. Потому я бунтую. И пью. И буду бунтовать. И пить. Пусть хоть голову снимут.

Беда заключалась в том, что Сергей Бородин умел и представлять в ней, и в ней же присутствовать, чего, допустим, в таком сочетании не удалось, как мне кажется, писателю Шарафу Рашидову.

Вот эти-то двое, Ильясов и Бородин, как раз-то и были настоящими историческими соперниками на ташкентском литературном поле.

Ни тот, ни другой никогда и ни в одном из своих солнечных текстов, сплошь и рядом состоящих из золотых сверканий Востока, из этой не сочетаемо радужной халатной пестроты, красок для них никогда не жалели. Булькающими шлепками оба швыряли их на свои литературные полотна.

Что, по-моему, понятно: и Бородин, и Ильясов, оба были – и не метафорически – еще и просто художниками.

Помню пространственное ощущение от пустых стен его полупустой чиланзарской квартиры:

ни-че-го...

¹ Общепринятое название одного из самых популярных в Ташкенте кафе, находящегося когда-то в самом центре главного по значимости Сквера в городе.

² Ташкентские писатели 50-60-х годов.

³ Мухамедов Сухроб. «И в снах – мелодии Джангоха». Изд. «Ижод дунёси». Ташкент. 2002 г.

Одни лишь нежные акварели самого Ильясова. Без рамок и стекла. Прикрепленные к обоям.

Голубоватые толстые змеи, сжатые в серебрящиеся кольца. Крутолобые и горбоносые сайгаки с тонкой сталью напрягшихся ножек, со вздернутой тяжестью изогнутых ребристых рогов...

Акварели неярки. Краски их выцветшие.

Но не от времени, а от шуршания по ним сухих песков и от постоянного царпанья по бумаге вечно перекатывающейся под гармсилем сухой травы емшан, сладко пахнущей степной свободною пылью.

Зато проза Бородина до такой степени ярка, что ее сияющие краски иногда, похоже, осточертевали самому писателю. И тогда, по внимательному наблюдению ташкентского художника и скульптора Дамира Рузыбаева, в «Звездах над Самаркандом», например, появлялись: то «серый» дом, то «серый» рабат, то даже «серая» лепешка.

Карандашные рисунки Бородина до сих пор спят, рассортированные по музейным папкам. Акварели Ильясова, некогда развешанные по стенам сменяемых – от жены к жене – квартир, должно быть, тоже где-то хранятся.

И если Бородин, по большому счету, писал как бы о государстве (что такое Амир Тимур, как не государство Тимуридов?), то есть как бы о ни о чем, то Ильясов – о людях в предлагаемых обстоятельствах. То есть как бы обо всем, в том числе – по итогу их, людей, существования – и о государстве тоже.

И если проза Сергея Бородина, как бы перецветшая, перезревшая, пережившая сама себя, набухшая текстом, лопается от сока горячих метафор, то проза Явдата Ильясова – суховата, жилиста. Все соки ее внутри торчащих ветвей и словесных почек. Она – жилистый саксаул, который не разрубить, который лишь только разламывать. Ей еще цвести, созревать. Она вся в ожидании оплодотворенной и тихо – изнутри – зреющей радости от нарождающихся картин. Через только лишь напиткиваемой весенними красками, только лишь завтра, да, только лишь завтра, зацветающей пустынной земли, сегодня еще сухой...

Крестьяне везли на базар свои урожаи. Дыни высовывались из мешков и корзин: то длинные полосатые; то круглые, желтые; то гладкие пятнистые крапчатые; то ребристые мутно-зеленые; то голубоватые, зимние, с шершавой кожурой, которые всю зиму висят под кровлями в камышовых сетках, – чем дольше висят, тем слаще становятся. И у каждой – свой неповторимый вкус и запах. Пахнут дыни миндалем и ванилью, мятой или хвоей, – это из «Звезд над Самаркандом» Сергея Бородина.

А это – из «Заклинателя змей» Явдата Ильясова: *Едва сизый кречет рассвета вспугнул и погнал на запад черную галку ночи и следом взмахнул крылами яркий фазан зари, Абу-Тахир Алак призвал к себе Омара Хайяма.*

И снова из него, о землетрясении, почти афоризм:

И не стало никого, кто мог бы сказать другому: «Не плачь» ...

Есть, если нужно, и другое:

День нищего равен трем дням благополучия.

Х

Как же они хотели – Ильясов и Батыров – поработать сообща хотя бы еще один раз.

И однажды оба сошлись на лучшей из опубликованных повестей – на «Согдиане».

Оба, и общим разом, обложились чистыми листами бумаги, авторучками и карандашами. Застучали на пишущих машинках. Оба во имя дела, начатого с восторгом нетерпения, даже поизменяли собственным рабочим правилам: Равиль Батыров

перестал сидеть в сигаретном дыму, переваливая за полуночные часы; Явдат Ильясов откладывал ранне-утреннюю работу. Оба сдерживали творческие силы для сведения их вместе все там же – в маленьком кабинетике Батырова. Этим самым заранее оберегая будущие словесные взрывы: образное воплощение случившихся прежде событий.

Сбереженное таким образом потом с грохотом вырывалось из-за закрытых в комнату дверей...

И древними голосами возмущенных согдийцев, обрывавшимися сухим приглушенным хрипом, – не из-за той же ли прошелестевшей по ним полынной травы емшан?

И последними вскриками мертвецов, добываемых копытами окровавленных коней, от страха по-сумасшедшему выкатывающих наружу круглые глаза.

И общим гвалтом, и гулом от всех степных битв между Александром Македонским и вождем никак не покоряемых согдийцев – Спантаманой.

За тонкую дверью эхом ударов железа о железо гремели громкие битвы. Перед дверьми же – было приказано ходить на цыпочках.

Древние предания склонялись в сторону побежденных. Написанные страницы сценария оказывались безжалостными к требованиям кино. Проза Ильясова оказалась так жилиста и крепка, что вновь ее было не переломать.

В написанном, наконец, сценарии, вопреки стремлению мужественно талантливых авторов, победила литература. Она практически всегда побеждает правила кинозаконов.

Сценарий «Согдианы», по-видимому, оказался генетически не соприкасаем с повестью «Согдиана».

За последним ужином, после того, как указательный палец кинорежиссера в последний раз стукнул по клавише с точкой, запотевшее в стеклянных фужерах вино пило не весело, мелкими холодными глотками.

XI

Июль 1970 года. Текст из моего архива:

Обсуждение киносценария «Согдиана».

Мнение Сергея Петровича Бородина:

– Пересказ романа, но нет сценария. Нет материала для сценария.

Нет кинематографического диалога. Нет изобразительных решений. Действие временами затянато, нет динамики. Сценарий несколько обеднен сравнительно с романом. Что-то утеряно. Надо искать такие черты, (такой) колорит, которые не повторяли бы последующие эпохи. «Бен Гур», «Антоний и Клеопатра» – надо их превзойти. Надо поработать под новым углом зрения над окончательным вариантом.

(Записано Р.Батыровым. Запись публикуется впервые.)

Всё сказанное – правильно. Где-нибудь в архивах киностудии должна сохраниться машинописная копия сценария несостоявшегося двухсерийного фильма «Согдиана».

Выводы можно проверить. И всё сойдется. Всё, кроме случайно прорвавшегося: «Нет материала для сценария».

Было-то ровным счетом наоборот: его удивительное, жадно схваченное обилие погубило авторов.

Но ведь уважаемый Сергей Петрович так, пожалуй, сказал не о сценарии, а все-таки об авторе. Писатель читает писателя по-другому. Не так, как все.

Вот это вернее.

И остался непо потревоженным «Бен Гур».

И не взлетел на коня, умеющий с ним сливаться, виртуозно владеющий любым

холодным оружием, блестящий польский артист Даниэль Ольбрыхский, которого очень хотели пригласить на главную роль в «Согдиане». На Спантаману ли? На Александра ли Македонского-Зулькарнайна? А может, на две роли сразу? Он и смуглый согдиец с выцветшей до степного цвета, туго заплетенной пыльной косой, и рыжий эллин со светлокудрявыми длинными волосами...

Это могло быть чудом. Но сценарий возвратили на доработку. Ну, а то, что не сбылось сегодня, уже никогда не случится.

Отложенное на завтра – выброшено из жизни.

И не забеспокоились «Антоний и Клеопатра».

ХИ

Ильясов, некогда начинавший и со стихов тоже, никогда не был поэтом ни в прозе, ни в тех же стихах, – то есть никогда не ставил метафору выше строгости и точности фразы. Все его стихи – это зарифмованная мысль, это некая тренировка, разогрев перед литературной работой. Это всего лишь словесная и мозговая подзарядка, тренировка фразеологических мышц. Чему-то подобному отдавал профессиональную дань и Максим Горький, всякое утро, прежде чем потянуть тяжеленный воз «Жизни Клим Самгина» дальше, обязательно пишуший две-три рифмованные строфы. Тут же сжигаемые в стеклянной пепельнице.

Стихи Ильясова программны. В них и его семейная – почти всегда нескладная – жизнь, и его писательское кредо. Хотя и *post faktum*.

*А у соседей – баккара, // и даже бра // из серебра, // и даже золотой олень...
// А вам // сходить по делу лень, // стихи плетете целый день // и сквозь усы ворчите.
// Вы не мужчина, // вы – тюлень! // – Родная, не кричите. // Согласен: // нету // мужа // хуже, // но что поделать // океанному? – // тюлени // неуклюжи // в луже, // они привычны // к океану... («Тюлень»).*

Понятно же, что здесь, в стихах, легко просматривается не явное начало явной же еще и семейной трагедии. И – подспудным, подкорковым ощущением вдруг отчего-то вспоминается вода тяжелого океана.

А вот и опять попытка объяснить, оправдаться, изжить трагедию:

Что значит балласт? // Нуль. Никчемный пласт. // Синоним мертвого груза, // бремя, помеха, обуза, // ни катет, ни гипотенуза. // Чего же с ним возиться, // дозволейте выпросить? – // взять, увязать, // да к черту выбросить! // ...Да вот незадача: // есть некое «но» – // даже судно отменного класса // тотчас опрокинется, // вывернув дно... // Выходит, // нельзя // без балласта? («Балласт»)¹.

Да что же это такое, наконец, – откуда у жителя среднеазиатской суши, из окон писательского кабинета которого вполне могли бы быть видны хребты Тянь-Шаня или же, вопреки самому Явдату, скажем метафорически, пески Кызылкумов, откуда у Ильясова такое постоянное ощущение воды, опасно грозящей уничтожением?

Неужели вот так и умудряются писатели предугадать свою судьбу? Написав ее.

Ведь не получается объяснить все с ними происходящее совпадением, случаем, случайностью. Не получается и поверить, что не судьба ими ведет, предугаданная, но они ведут сами себя, творя самих себя, а уж судьбу – заодно.

Нет, все-таки предугадывают судьбу. А раз предугадано, то следует и воплотить. По крайней мере, приблизиться к предугаданному, чтобы посмотреть, – прав оказался или же нет. Подобное называется – заглянуть в бездну.

Писатель пишет судьбу, даже не подозревая об этом. Буква за буквой. Строка за строкой. Страница за страницей.

¹ Стихи публикуются по тексту, впервые появившемуся в многотиражной газете «Среднеазиатская магистраль» 21 февраля 1989 года № 23 (5209). Публикация А.Я. Мигловец (третьей жены писателя).

Они в ней – и ведущие, и ведомые.

Отсюда банальность, то есть – вечное: писатель – уже сам по себе судьба.

Совсем-совсем мальчишкой, но уже понявшим, что Жюль Верн нечто настоящее и что миры, им выдуманные, реальнее совхозной реальности, Явдат назвал себя капитаном Немо и целыми днями не уходил с берегов вяло тянущейся возле Ташкента реки Чирчик.

Я выходил на берег, увлеченный какими-то мечтами. Такое было яркое изумительное весеннее небо, высокая зеленая трава, пахло диким чесноком...

Местный, часто пьяный паромщик, и слыхом не слышавший ни о каком философе Хайяме, скотлив для мальчишек, собравшихся возле Явдата, узкий неустойчивый плот – три бревна и две поперечины – тотчас же принялся сокрушаться по этому поводу:

– Паразиты! Если потопните, кто будет виноват? Я буду виноват!

– Кто потопнет? Мы?.. – не узнавая Харона-паромщика, за всех отсмеивался Явдат.

Он уже как будто начинал жить так, чтобы писать. Тогда – и про трехбревенчатый плот, и про опасную реку, – полноводье, протоки, острова...

Исписанные тетрадные листы в клеточку и косую линейку посылал в Ленинград, в очень популярный детский журнал «Чиж», близкий к обэриутам и читаемый в расшифровке как «чрезвычайно интересный журнал».

Литературная жизнь начиналась текстами о приключениях на воде.

Явдат Ильясов некогда рассказал об этом дочери Илоне, много делающей и сделавшей для его памяти. Именно она, составляя «Интервью с отцом», записала этот рассказ из детства (вошел в «Повесть об отце»).

Смертник японский, // прикованный к пулемету, // Знает: он жив, пока строчит. // ...С пяти утра я сажусь за работу, // Как пулемет, карандаш стучит. // Не завидуйте нам, обыватели! // Мы – Сизифовы наследники; // Это лишь званье такое – писатели, // А на самом деле мы смертники... («Сыну моему Джангару»).

Всякий умерший писатель, если он не перестал быть писателем к своему концу, ну, просто обязан оставлять после себя нечто незаконченное, незавершенное, недосотворенное.

У Ильясова на это место стала его последняя повесть «Башня молчания».

Молчания.

Впрочем, тексты в отличие от жизни молчанием не заканчиваются...

XIII

И отчего это все-таки, черт возьми, писатели умудряются предсказать, предугадать, накликать свою судьбу? Вернее – всего лишь форму своего существования в этой жизни, как форму своего ухода из нее. Умудряясь своею смертью войти во внутреннее согласие с ней, если не произошло внешнего.

Ради чего человек может покинуть друга? ...Ради семьи. ...А семью? Ради селения. А селение? Ради страны. А страну?..

– Ради Аллаха! – крикнул кто-то богобоязненный.

Но скоморох, испытующе, с умыслом помедлив, твердо произнес:

– Ради самого себя.

Жил такой на земле.
